
Конференция по разоружению

25 June 2013

Russian

Окончательный отчет об одна тысяча двести девяносто втором пленарном заседании,
состоявшемся во Дворце Наций, в Женеве, во вторник, 25 июня 2013 года, в 10 ч. 35 м.

Председатель: г-н Мохаммад Сабир Исмаил (Ирак)

GE.15-03519 (R) 230516 260516

* 1 5 0 3 5 1 9 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Председатель (*говорит по-английски*): 1292-е пленарное заседание Конференции по разоружению объявляю открытым.

Для меня и для моей страны большая честь принять председательство на Конференции по разоружению. В силу своей приверженности в качестве государства-члена и в свете своих внешнеполитических принципов международного мира, безопасности и сотрудничества Ирак воспринимает эту задачу во всей серьезностью.

Конференция по разоружению – орган, которому всем членским составом Организации Объединенных Наций было поручено служить в качестве единого многостороннего форума переговоров по разоружению, – дала действительно значительные результаты.

Мы сознаем большую ответственность перед Конференцией в этот критический период, переживаемый этим форумом.

Несмотря на тот затор, который больше 16 лет не дает нам достичь всеобъемлющей и сбалансированной программы работы, мы настроены на то, чтобы продвигаться вперед, с тем чтобы обследовать все наличные варианты и альтернативы, ведущие к решениям, приемлемым для всех государств-членов, дабы позволить Конференции возобновить свою уставную работу и насущную роль.

Сегодня, как было объявлено на прошлой неделе, мы принимаем министра иностранных дел моей страны по случаю начала иракского председательства на Конференции по разоружению.

Позвольте мне прервать заседание, чтобы сопроводить министра в Зал совета.

Заседание прерывается в 10 ч. 40 м. и возобновляется в 10 ч. 41 м.

Председатель (*говорит по-английски*): Я хотел бы от горячо приветствовать нашего уважаемого гостя – министра иностранных дел Республики Ирак г-на Хошияра Зибари – в связи с его присутствием для выступления на Конференции.

Его присутствие здесь сегодня четко демонстрирует то значение, которое придает он сам и правительство Ирака Конференции по разоружению, и их приверженность продвижению ее работы. Я хотел бы поблагодарить Его Превосходительство за его присутствие среди нас.

Я имею честь и удовольствие пригласить министра Хошияра Зибари выступить на Конференции.

Г-н Зибари (Ирак) (*говорит по-арабски*): Г-н личный представитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций и Генеральный секретарь Конференции по разоружению Касым-Жомарт Токаев, г-жа Высокий представитель по вопросам разоружения Ангела Кейн, ваши превосходительства, уважаемые постоянные представители, я хотел бы искренне поблагодарить вас за ваши теплые слова приветствия.

Мне очень приятно быть с вами здесь, на Конференции по разоружению, и для меня большая честь выступить сегодня на этом международном многостороннем форуме в моем качестве не только первого министра иностранных дел Ирака, выступающего на Конференции по разоружению с тех пор, как моя страна стала членом Конференции в 1997 году, но и представителя страны, приверженной идеалам многосторонности, которая усиливает авторитет коллек-

тивной ответственности международного сообщества за укрепление международного режима разоружения и обеспечение нераспространения оружия массового уничтожения. Ирак старается выступать в качестве стабилизирующего фактора в своих региональных и международных отношениях, всячески избегая усиления напряженности и нестабильности где бы то ни было в мире. Пользуясь этой возможностью, я хотел бы заверить вас в том, что правительство Ирака соблюдает свои обязательства по международным договорам и конвенциям, касающимся разоружения и нераспространения, в соответствии с положениями Постоянной конституции Республики Ирак.

Правительство Ирака придает большое значение вопросу о всеобщем и полном разоружении, поскольку оно сознает, что гонка вооружений не только не способствует миру и безопасности, но и является главной причиной напряженности и нестабильности. Приверженность иракского правительства договорам и конвенциям по разоружению и нераспространению проистекает из его убежденности в том, что всеобщее присоединение к международным соглашениям, касающимся полной ликвидации оружия массового уничтожения, и их недискриминационное соблюдение являются фундаментальными предварительными условиями не только для того, чтобы дать международному сообществу реальную гарантию против применения или угрозы применения такого оружия, но и для обеспечения международного мира и безопасности на основе достижения совместных и практических решений путем многосторонних переговоров в целях заключения общих договоренностей. Соответственно, Ирак присоединился ко всем основным разоруженческим договорам и подтвердил свою полную приверженность соблюдению всех их положений и требований, в особенности положений и требований Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и конвенций по биологическому и химическому оружию. Ирак присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия в 1969 году и является участником Дополнительного типового протокола о применении гарантий Международного агентства по атомной энергии, Конвенции о физической защите ядерного материала, Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, Конвенции о запрещении противопехотных мин, Конвенции по кассетным боеприпасам, Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, и Договора о торговле оружием. Ирак также соблюдает другие договоренности и меры, имеющие отношение к международному режиму разоружения и нераспространения.

Ирак придает особое значение Конференции по разоружению как единственному многостороннему форуму для ведения переговоров по вопросам разоружения, которая, несмотря на свой послужной список прошлых успехов, к сожалению, достигла решающего рубежа в условиях чрезвычайно сложного периода, который характеризуется растущим числом региональных кризисов и террористических угроз, все более серьезной опасностью распространения оружия массового уничтожения и тупиковой ситуацией в области разоружения. Все эти факторы ставят под угрозу международную стабильность, поскольку на протяжении последних лет семнадцати Конференция оказывается не в состоянии играть роль, отведенную ей в переговорах по разоруженческим договорам, из-за ее неспособности достичь согласия по программе работы. Поэтому мы должны активизировать наши усилия, чтобы составить всеобъемлющую и сбалансированную программу работы, которая учитывала бы озабоченности всех государств-членов согласно с правилами процедуры и необходимостью достижения прогресса по вопросам, значащимся в повестке дня Конференции.

В ходе своего председательства на этой Конференции Ирак будет работать с государствами-членами, с тем чтобы достичь согласия по программе работы, предназначенной для достижения целей, которые они преследуют в области разоружения, особенно разоружения ядерного, в интересах международного мира и безопасности.

Ирак разделяет взгляды многочисленных государств относительно необходимости сохранения ядерного разоружения в качестве главного приоритета Конференции в соответствии с особым статусом, приданным ему в заключительном документе первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной разоружению (1978 года), и с консультативным заключением, вынесенным Международным Судом в 1996 году, в котором говорится, что «угроза ядерным оружием или его применение в целом противоречили бы нормам международного права, применимым в период вооруженного конфликта. Существует обязательство вести в духе доброй воли и завершить переговоры, ведущие к ядерному разоружению во всех его аспектах под строгим и эффективным международным контролем». Соответственно, следует еще раз подчеркнуть, что полное ядерное разоружение должно быть нашим главным приоритетом, поскольку, учитывая деструктивный характер этого оружия, его полная и окончательная ликвидация имеет существенно важное значение для выживания человечества в целом, так как его дальнейшее существование представляет угрозу для международного мира и безопасности. В этой связи, однако, я хотел бы указать на неотъемлемое право всех стран, и особенно развивающихся стран, разрабатывать, производить и использовать ядерную технологию в мирных целях для достижения экономического роста, без какой-либо дискриминации или препятствий, при условии, что их деятельность подлежит контролю со стороны Международного агентства по атомной энергии и отвечает требованиям режима нераспространения.

Позвольте мне изложить нашу позицию по основным вопросам повестки дня Конференции, и в частности по четырем вопросам, относящимся к программе работы.

Во-первых, по поводу ядерного разоружения: хотя в последнее время в этой области и были предприняты позитивные шаги на международном уровне, неизменное сохранение большей части ядерных арсеналов и разработка новых видов такого оружия и систем его доставки продолжают вызывать обеспокоенность. Технологические подвижки в этой области, несомненно, будут усиливать опасности, связанные с продолжающимся накоплением такого оружия, и этот вопрос будет оставаться в числе главных приоритетов Конференции. Поэтому Ирак будет поощрять любые усилия или переговоры, предпринимаемые между государствами, обладающими таким оружием, в целях достижения значительного сокращения ядерных вооружений. Большим подспорьем в продвижении ядерного разоружения служило бы создание зон, свободных от ядерного оружия.

Во-вторых, что касается негативных гарантий безопасности, то существует необходимость достичь согласия по юридически обязывающему международному документу, посредством которого государства, обладающие ядерным оружием, дали бы государствам, не обладающим ядерным оружием, безусловные гарантии того, что они не будут применять ядерное оружие или угрожать его применением против последних. В частности, нужно было бы определить средства, с помощью которых можно было бы добиться прогресса в достижении этой цели. Будучи предметом справедливых и законных требований со стороны государств, не обладающих ядерным оружием, которые добровольно отка-

зались от каких-либо военных ядерных вариантов, присоединившись к Договору о нераспространении ядерного оружия, негативные гарантии безопасности являются серьезным фактором и важным шагом для достижения этой цели, хотя они и не могут рассматриваться в качестве альтернативы для цели полного ядерного разоружения. Поэтому мы настоятельно призываем Конференцию вновь активизировать свои усилия, чтобы сформулировать юридически обязательную основу, в рамках которой государствам, не обладающим ядерным оружием, были бы предоставлены такие гарантии.

В-третьих, в отношении производства расщепляющегося материала: продолжающееся производство этого материала создает угрозу для достижения цели ядерного разоружения и нераспространения. Исходя из этого, Ирак поддерживает идею установления переговорного мандата для разработки недискриминационного, многостороннего, поддающегося международной проверке и эффективного договора о запрещении производства расщепляющегося материала для использования в ядерном оружии и других ядерных взрывных устройствах.

В-четвертых, что касается космического пространства, то мы рассматриваем его как общее достояние человечества, которое следует осваивать исключительно в мирных целях, поскольку его милитаризация привела бы к дорогостоящей и губительной гонке оружия, которая должна быть предотвращена. Поэтому Конференции по разоружению следует рассмотреть вопрос о принятии международного документа по предотвращению вепонизации космического пространства. Пользуясь этой возможностью, я хотел бы сказать, что мы приветствовали бы любой проект, способствующий предотвращению размещения оружия в космическом пространстве. Такой проект представлял бы собой конструктивную инициативу для продвижения субстантивных дискуссий в целях обеспечения немилитаризации космического пространства наряду с другими инициативами по укреплению доверия, касающимися космической деятельности и направленными на предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве.

Ирак хочет подтвердить свою поддержку в пользу создания зон, свободных от ядерного оружия, в качестве важного шага на пути к ликвидации такого оружия. Мы настоятельно призываем вас призвать международное сообщество не только к осуществлению резолюции по Ближнему Востоку, принятой на Конференции 1995 года по рассмотрению и продлению ДНЯО, в соответствии с планом действий, изложенным в заключительном документе Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2010 года, в качестве основного средства для достижения этой цели, но и к осуществлению резолюции 487 (1981) Совета Безопасности, поскольку безопасность и стабильность в Ближневосточном регионе зависят от ликвидации всех видов оружия массового уничтожения, и особенно ядерного оружия, в соответствии с целью, указанной в пункте 14 резолюции 687 (1991) Совета Безопасности, в соответствующих резолюциях Генеральной Ассамблеи, принимаемых каждый год на основе консенсуса, и в резолюциях Генеральных конференций Международного агентства по атомной энергии.

Провал международных усилий по созыву конференции по Ближнему Востоку, которую планировалось провести в Хельсинки в декабре 2012 года с целью создания зоны, свободной от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке, равносителен отречению от обязательств, принятых в заключительном документе обзорной Конференции 2010 года, и он подрывает авторитет Договора о нераспространении. Он также окажет негативное влияние на процесс рассмотрения действия ДНЯО и режим

ядерного нераспространения в целом. Ответственность за отсрочку конференции на неопределенное время под неприемлемыми предложениями должны нести Организация Объединенных Наций и государства-спонсоры и организаторы конференции в их качестве государств – депозитариев ДНЯО.

В заключение, пользуясь этой возможностью, я хотел бы выразить нашу глубокую признательность за усилия, прилагаемые шестью председателями для активизации работы Конференцию по разоружению, с тем чтобы она могла играть позитивную роль в решении вопросов, связанных с разоружением и нераспространением. Я желаю вам и вашим коллегам-председателям всяческих успехов в решении вашей задачи. Большое спасибо.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю уважаемого министра иностранных дел Ирака за его заявление, которое побуждает нас продолжать свои усилия, с тем чтобы преодолеть трудности, с которыми мы в настоящее время сталкиваемся, и вот именно к этой задаче мы и намерены приступить.

С вашего позволения я прерву заседание на несколько минут, чтобы сопроводить министра из зала, и вскоре мы возобновим работу.

Заседание прерывается в 11 ч. 01 м. и возобновляется в 11 ч. 03 м.

Председатель (*говорит по-английски*): Пленарное заседание возобновляется.

Сейчас я имею честь дать слово Высокому представителю по вопросам разоружения г-же Ангеле Кейн.

Г-жа Кейн (Высокий представитель по вопросам разоружения) (*говорит по-английски*): Я очень рада возможности выступить на Конференции по разоружению. До моего назначения на пост Высокого представителя Организации Объединенных Наций по вопросам разоружения мои собственные воспоминания о работе Конференции, когда я работала в бывшем Департаменте по вопросам разоружения, насчитывают уже много лет. Но хотя времена – еще существовал Советский Союз, и шли последние годы «холодной войны» – определенно изменились, институт Конференции по разоружению по-прежнему важен как никогда.

Мы, кто работает в Организации Объединенных Наций, по-прежнему уважаем насущную роль Конференции на переговорах по многосторонним правовым обязательствам в сфере разоружения. И когда слышишь об укреплении «верховенства права» в сфере разоружения, то трудно не подумать об этом учреждении.

Законотворчество в этой трудной сфере – сфере разоружения, – есть очень, а порой и мучительно трудоемкий процесс, да это и не удивительно. А между тем это ведь простая реальность, которая немногим отличается от того, что есть в других законодательных сферах. Международное право имеет тенденцию развиваться по нарастающей под влиянием событий, и его сугубое постоянство и обязательный характер вполне естественно побуждают государства осмотрительно подходить к принятию новых правовых норм, что зачастую влечет за собой продолжительный дипломатический процесс. И как говорил бывший заместитель госсекретаря Соединенных Штатов Америки Томас Пикеринг, который бывал и Постоянным представителем при Организации Объединенных Наций, «дипломатия – это не растворимый кофе».

Но признавая этот неизбежный факт дипломатической жизни, ответственность и многие государства – члены как этого учреждения, так во всей

Организации Объединенных Наций правомерно выражают недовольство по поводу неспособности Конференции выполнять свой мандат в качестве глобального «единого многостороннего форума переговоров по разоружению». Эти недовольства вызывают реальные сомнения на тот счет, все ли еще способна Конференция выполнять эту функцию с учетом того застоя, который она оказывается не в состоянии преодолеть из-за хронических расхождений по приоритетам и сфере применения ее правила консенсуса. Это тупик из года в год побуждает многих предлагать учреждение альтернативных переговорных площадок. И чем дольше существует застой, тем больше будет соблазн реализовать эти варианты.

Лично я не приветствовала бы такое развитие событий, потому что я очень высоко ценю и многосторонние параметры разоруженческих норм, и такую цель, как обеспечение полной универсальности этих норм по их охвату. Договоры, согласованные коалициями государств, могут творить замечательные вещи: они могут способствовать и международной, и региональной безопасности – это бесспорно. Но чего им недостает, так это способности генерировать универсальное согласие, а это насущный элемент всякого механизма или договора, который стремится достичь истинной разоруженческой цели. Когда мы говорим о ликвидации одного класса вооружений, нам надо вести речь о том, чтобы ликвидировать их не просто где-то, а повсеместно. И этот термин действительно не может иметь иного смысла.

А отсюда следовало бы, что согласие и консенсус – это не просто неудобства, а существенные элементы при формировании разоруженческой нормы, которая носит поистине универсальный характер. Между тем, то, что мы наблюдаем сегодня, далеко выходит за рамки проблемы достижения консенсуса по универсальным нормам. Мы видим, как это великое учреждение – Конференция по разоружению – функционально имобилизована тем, что можно было бы назвать как подход к дипломатии по принципу «мои приоритеты прежде всего», который, если это не изменить, поставит под угрозу само ее существование как насущного компонента разоруженческого механизма Организации Объединенных Наций. Там, где необходимы гибкость и компромисс, мы видим непреклонность и трансформацию национальных переговорных позиций в недвижимые объекты. И здесь я говорю не о каком-то конкретном государстве-члене, ибо спор по поводу приоритетов стал сейчас уже чуть ли не эндемичен для Конференции.

Каждый член Конференции бесспорно привержен реализации всеобъемлющего ядерного разоружения, а многие разделяют еще и другие цели многостороннего разоружения. А между тем, общие позиции, разделяемые всеми членами, еще не принесли экстренно необходимого прогресса в плане начала переговоров. В конечном счете, результатом нынешнего тупика является фактическая легитимация статус-кво, который мир расценивает как неприемлемый.

Кто-то мог бы сказать, что для реального прогресса в разоружении надо сначала дождаться разрешения политических споров между ключевыми государствами, в частности теми, кто располагает крупнейшими арсеналами. Такой взгляд, однако, игнорирует многочисленные лепты, которые может внести прогресс в сфере разоружения в укрепление взаимной уверенности и доверия между государствами. Как все мы знаем, разоружение осуществляется не из одних только филантропических соображений: оно широко признано в качестве высокоэффективного и надежного средства упрочения национальной безопасности и укрепления международного мира и безопасности вообще.

Разоружение является политикой безопасности. Реальный дефицит безопасности проистекает из отсутствия разоружения. Весьма прискорбно и отсутствие переговоров по разоружению, ибо оно означает отсутствие воли даже к тому, чтобы обследовать пути принятия и преодоления многих разоруженческих вызовов.

И поэтому сегодня я хотела бы призвать всех членов Конференции прислушаться к советам, которые вы неоднократно получаете лично от Генерального секретаря Пан Ги Муна: возобновить продуктивную работу этого уважаемого учреждения. Историю надо вершить делами, и уже пора действовать.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю г-жу Кейн за ее заявление и за теплые слова в адрес Председателя. Я также имею честь предоставить слово старшему заместителю помощника секретаря по ядерной и стратегической политике в Бюро по вопросам контроля над вооружениями, проверки и соблюдения Соединенных Штатов Америки г-же Аните Фридт.

Г-жа Фридт (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Прежде всего позвольте мне поздравить Ирак с принятием председательства на Конференции по разоружению, а также адресовать особенно теплые приветствия министру иностранных дел Зибари. Соединенные Штаты Америки полностью поддерживает ваши усилия.

Соединенные Штаты Америки заодно с теми, кто ищет реального и быстрого прогресса в области разоружения и контроля над вооружениями. Ибо, как заявил президент Обама 19 июня у Бранденбургских ворот, «мир в условиях справедливости означает стремление к безопасности в мире без ядерного оружия, сколь бы отдаленной ни была эта мечта».

В своем обращении к жителям Берлина президент объявил дополнительные шаги по приведению ядерной политики Соединенных Штатов Америки в соответствие с обстановкой в сфере безопасности в XXI веке. Новая установка, которую он дал Министерству обороны, приведет к дальнейшему снижению роли ядерного оружия в стратегии национальной безопасности Соединенных Штатах Америки.

После всестороннего обзора наших ядерных сил президент установил, что мы можем обеспечивать безопасность Соединенных Штатов Америки и наших союзников и партнеров и поддерживать сильное и надежное стратегическое сдерживание и в то же время спокойно произвести сокращение до одной трети развернутых стратегических ядерных вооружений от уровня, установленного в Договоре о СНВ. Соединенные Штаты Америки намерены добиваться переговорных сокращений с Российской Федерацией, с тем чтобы мы могли продолжать двигаться дальше ядерных диспозиций времен «холодной войны».

За более детальной информацией о новой президентской установке по ядерному оружию я отсылаю коллег к информационному бюллетеню Белого дома «Стратегия применения ядерного оружия Соединенных Штатов Америки» от 19 июня и прошу выпустить этот документ в качестве официального документа Конференции по разоружению.

В Берлине президент также выделил дополнительные конкретные шаги, которые предпримут Соединенные Штаты Америки в русле конкретных разоруженческих целей, и идентифицировал конкретные шаги, ведущие в этом направлении. Он заверил, что Соединенные Штаты Америки, будут работать со своими союзниками по НАТО над поиском широких сокращений тактического ядерного оружия Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации в

Европе. Президент объявил, что мы будем принимать саммит в 2016 году, с тем чтобы продолжить наши усилия по обеспечению безопасности ядерных материалов во всем мире, подтвердил решимость Администрации работать над тем, чтобы наращивать поддержку в Соединенных Штатах Америки в отношении ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, и призвал все страны начать переговоры по договору о прекращении производства расщепляющегося материала.

Далее, президент подчеркнул наши недавние укрепленные усилия с целью остановить распространение ядерного оружия и сократить количество и роль американского ядерного оружия. В силу нового Договора о СНВ мы стоим на пути к тому, чтобы сократить американские и российские развернутые ядерные боезаряды до самого низкого уровня с 1950-х годов.

Кардинальные инициативы, объявленные в Берлине, являются самыми последними в серии конкретных шагов, предпринятых президентом по продвижению своей пражской повестки дня 2009 года. Мы предпринимаем эти действия в порядке признания наших обязанностей и разделяемой всеми нами заинтересованности в укреплении международного нераспространенческого режима.

Еще одним важным компонентом наших усилий с целью подкрепить наши солидарные обязанности и укрепить нераспространенческий режим является наша работа здесь, в Женеве. Мы можем внести существенную лепту в эти усилия путем усердной работы на Конференции по разоружению, но это требует уже не разговоров ради разговоров, а целенаправленных и согласованных действий, чтобы продвинуть нас вперед.

Собственно, с самого ее возникновения Конференция была призвана быть переговорным органом. И она играла эту роль в прошлом, но, к сожалению, в последние годы она постоянно не оправдывает своих обещаний.

Удручает то, что для большей части нынешнего поколения данная Конференция не смогла произвести на свет никакого конкретного многостороннего соглашения о контроле над какими бы то ни было вооружениями. В частности, Конференции все еще недостает четкого мандата, чтобы немедленно начать переговоры по договору о прекращении производства расщепляющегося материала.

Мы еще не сделали даже первого ключевого шага, чтобы принять предметную программу работы на Конференции, которая позволила бы нам добиться конкретного прогресса по договору о прекращении производства расщепляющегося материала, вместо того, чтобы опять бездейственно вести разговоры.

Это не то, чего ожидает от нас более широкое международное сообщество, да и не то, чего должны ожидать мы сами.

Но хотя Конференция до сих пор отстает от времени, Соединенные Штаты Америки по-прежнему привержены достижению солидарной долгосрочной цели – ядерного разоружения, и мы по-прежнему сосредоточены на достижении конкретного прогресса за счет практических шагов. Как сказал президент Обама в Берлине, ключевой шаг к достижению этой цели берет начало здесь, в Женеве, с переговоров по договору о прекращении производства расщепляющегося материала. Этот договор уже давно назрел, и необходимо заложить фундамент для дальнейших действий по длинному пути к разоружению.

Делегация Соединенных Штатов Америки готова, засучив рукава, прямо сейчас начать работать с каждым из вас, чтобы обеспечить сильную, актуаль-

ную и надежную Конференцию по разоружению, которая выполняла бы свой мандат и наращивала свое наследие в качестве выдающегося многостороннего разоруженческого форума.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю г-жу Аниту Фридт за ее заявление и за добрые слова в адрес моего министра, а также Председателя.

Прежде чем пойти дальше, я хотел бы попрощаться с нашими глубоко уважаемыми коллегами, и прежде всего послом Чили Ойярсе, послом Германии Хоффманом, послом Индии Мехта, послом Нидерландов ван ден Эйсселом. За эти годы вы внесли бесценную лепту в работу данного органа. И поистине жаль, что все вы отбываете одновременно. От имени Конференции и от имени моего собственного правительства я желаю вам успехов и удовлетворенности на вашем новом поприще.

Поскольку это мое первое пленарное заседание в качестве Председателя Конференции, я хотел бы высказать несколько замечаний.

Прежде всего позвольте мне выразить искреннюю благодарность моим коллегам и предшественникам за их ценные усилия в поисках решений с целью возобновить предметную работу Конференции на основе представленного проекта программы работы.

Жаль, что Конференции по разоружению не удалось принять программу работы, которая позволила бы Конференции по разоружению играть свою роль и вести предметную работу в соответствии со своим мандатом. Тот факт, что Конференция по разоружению много лет не добивается прогресса, посылает негативный сигнал при оценке Конференции по разоружению и ее работы, тогда как международное сообщество ожидает ощутимых результатов и принятия программы работы, что способствовало бы международному миру и безопасности.

После краткого обзора основных проблем Конференции по разоружению в свете разных позиций ее государств-членов мы пришли к недвусмысленному выводу. С одной стороны, все соответствующие стороны ищут и желают всеобъемлющей и сбалансированной программы работы, а с другой – каждая сторона имеет свое собственное толкование на тот счет, как достичь такой программы. И поэтому нам надо проявить креативность, чтобы сблизить разные воззрения по основным проблемам разоружения. В этом контексте я хотел бы подтвердить, что, как это описано резолюциями Организации Объединенных Наций, разоруженческие проблемы привлекают к себе повышенное политическое внимание, а международный политический климат больше благоприятствует продвижению многостороннего разоружения, и мы будем не щадя сил вносить свой вклад в эту динамику.

В качестве Председателя Конференции по разоружению я постараюсь, как уже упоминалось, облегчать дискуссии путем проведения консультаций с делегациями и региональными группами, чтобы учитывать различные воззрения по итогам консультаций. Переговоры по ключевым проблемам разоружения будет вестись в порядке развития инициатив, предпринятых моими предшественниками, с учетом препятствий и помех, с которыми они сталкиваются.

Я настоятельно призываю все государства-члены проявить гибкость, чтобы позволить Конференции раз и навсегда положить конец затору.

Принятие программы работы является коллективной ответственностью государств-членов, а это значит, что любое соглашение по программе работы, которая откроет путь к эффективному функционированию Конференции, будет

зависеть от самой Конференции, иными словами, это зависит от всех ее государств-членов.

После того как в ходе заседаний 2013 года несколько раз не удалось принять программу работы, нам следует серьезно задуматься о препятствиях и расходах, которые мешают Конференции достичь программы работы. А следовательно, нам надо обсудить разные элементы и позиции, с тем чтобы сблизить взгляды.

Я буду проводить открытые консультации с государствами-членами и региональными группами, чтобы, как мы только что говорили, обсудить разные позиции и вызовы.

Наконец, я также намерен обсудить в ходе консультаций с делегациями предложения, которые были представлены 18 июня 2013 года Генеральным секретарем Конференции по разоружению г-ном Касым-Жомартом Токаевым. В зависимости от исхода этих консультаций мы посмотрим, не посвятить ли нам пленарное заседание обсуждению этих предложений.

Я также обеспечу проведение своей работы в духе диалога, понимания и открытости.

На этой ноте и без дальнейших промедлений сейчас я предоставляю слово любым делегациям, которые желают изложить свои взгляды по этим вопросам. Слова просит посол Чили. Извините, первым оратором будет посол Германии, потому что первой у меня в списке значится Германия, а потом вторым будет посол Чили. Я извиняюсь за это.

Г-н Хоффман (Германия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я хочу поздравить вас с принятием председательства на Конференции по разоружению и заверить вас в полной поддержке германской делегации.

Я рад видеть сегодня среди нас Высокого представителя Организации Объединенных Наций по вопросам разоружения г-жу Ангелу Кейн, и я хотел бы поблагодарить ее за очень насыщенное заявление.

Как вы отметили, г-н Председатель, это станет моим последним пленарным заседанием, так как через несколько недель я покидаю Женеву, и я хочу поблагодарить вас за добрые слова в мой адрес в качестве члена группы убывающих глав делегаций.

По случаю моего отъезда я хотел бы поделиться с вами и коллегами кое-какими личными размышлениями. В более же легкомысленном, так сказать, плане я могу сказать, что я чувствую себя несколько вроде представителя одной из наших региональных групп, который должен огласить одно из их обычно пространств заявлений. Так что я просил бы вас считать меня сегодня группой одного, потому что есть несколько вещей, которые я хотел бы высказать для протокола в своей прощальной, так сказать, энциклике, поскольку это похоже на завершение моего профессионального занятия разоружением.

Когда в начале августа 2009 года я делал свое первоначальное заявление, кипели надежды, что Конференция вот-вот преодолет свой давнишний затор. Под председательством Алжира была только что принята консенсусом программа работы с содержательным, предметным и весьма разумным распределением задач, и была надежда, что Конференция наконец-то возвращается в нужное русло, чтобы делать то, для чего она и предназначена: выработать новые договоры в сфере разоружения и нераспространения.

Я очень рассчитывал на эту задачу, потому что с тех пор, как еще молодым студентом я заинтересовался проблемами политики безопасности и разоружения, я был убежден, что существование ядерного оружия создает колоссальную опасность для человечества и что следует прилагать все усилия к тому, чтобы добиться прогресса на пути к миру, свободному от угрозы оружия. Поскольку я вырос в стране, которая жила в тогдашних двух государствах буквально на пограничной линии ядерной конфронтации времен «холодной войны», мне казалось вполне естественным, что у меня появился большой интерес к этим делам, ну а как студенту истории мне было ясно, что любое применение ядерного оружия сопряжено с катастрофическими гуманитарными последствиями. В своей берлинской речи президент Обама компрессированно резюмировал этот вызов: «Пока существует ядерное оружие, у нас действительно нет безопасности».

Пытаясь заниматься серьезнейшим вызовом, порожденным появлением ядерного оружия, я всегда чувствовал, что интеллектуальная честность требовала бы не облегчать себе очень уж слишком дело, просто осуждая поведение государств, которые добиваются обладания или уже обладают ядерным оружием, как, в сущности, просто-напросто безрассудное. Реальный вызов, как я всегда чувствовал, состоял в том, чтобы попытаться понять, почему государства усматривают необходимость обеспечивать свою безопасность за счет опоры на ядерное оружие, и в свете такого более глубокого понимания проработать вопрос о том, что потребуется для того, чтобы создать обстановку, в которой государства будут чувствовать себя в достаточной безопасности, чтобы отказаться от ядерного выбора.

Мой собственный вывод состоял в том, что решительные усилия в области разоружения и столь же решительные усилия по преодолению глубоко укоренившихся политических антагонизмов и конфликтов путем устранения их коренных причин должны идти рука об руку для того, чтобы стал реальностью мир, свободный от ядерного оружия. И мне думается, что нам не надо тешить себя иллюзиями: если мы хотим быть успешными в сфере разоружения, то в качестве оборотной стороны медали должно выступать эффективное нераспространение, потому что ведь кристально ясно, что готовность даже предусмотреть движению к нулю и сама мгновенно сведется к нулю, если есть хоть отдаленная возможность того, что на горизонте замаячит проблема распространения ядерного оружия. А коль скоро это так очевидно, мне трудно понять, что среди некоторых государств, обладающих ядерным оружием, все еще имеются колебания с подписанием Дополнительного протокола Международного агентства по атомной энергии.

Правда, конечно, что с точки зрения заключенных договоров и сокращения оружейных арсеналов и оружейного материала достигнут значительный прогресс в сфере ядерного разоружения. И это не надо недооценивать.

В то же время было бы справедливо сказать, что после окончания «холодной войны» широко распространились ожидания гораздо более быстрого прогресса в сокращении арсеналов и снижении роли ядерного оружия в доктринах безопасности. Одной из причин такого ожидания было, как я полагаю, также понимание того, что абсурдные численные параметры ядерных арсеналов достигли пиковой отметки времен «холодной войны», а именно в совокупности умопомрачительное количество в размере около 70 000 ядерный боеприпасов пожирали ресурсы в колоссальных масштабах, что оборачивалось чрезвычайно негативными издержками для экономического благополучия государств, ну а это в свою очередь могло буквально подрывать, как все мы могли наблюдать,

само существование государств. И можно только надеяться, что из такого опыта мы все извлекли урок, что безопасность уже рассматривается не упрощенно в ракурсе механистических сопоставлений между простыми размерами военных arsenалов, а в гораздо более широком ракурсе и перспективе. И замечание Генерального секретаря Организации Объединенных Наций г-на Пан Ги Муна о том, что «планета уже перевооружена, а мир недофинансирован» бьет не в бровь, а в глаз.

Согласно данным из базы данных СИПРИ по передачам вооружений за 2012 год, насчитывается девять государств, имеющих в общей сложности 19 000 ядерных боеприпасов, из которых приблизительно 18 000 имелись в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки. Во всем мире в состоянии высокой оперативной готовности содержатся 2 000 ядерных боеприпасов. Как я полагаю, эти цифры не нуждаются в дальнейших комментариях, тем более когда ты пытаешься ответить себе на вопрос о том, что же именно, как думают планировщики, они могут или должны конкретно делать со всеми этими вооружениями в критических ситуациях. Удивительно высоки и цифры запланированных на очередное десятилетие расходов на комплексы ядерных вооружений. И особую тревогу у меня вызывает тот факт, что, в то время как в регионе, пережившем, как нам стало ясно, «холодную войну», ядерно-оружейное соперничество в последние лет 25 явно пошло на убыль, появились другие регионы, где развернулось либо открытое, либо скрытое ядерно-оружейное соперничество, которое набирает обороты в плане наращивания arsenалов и сопутствующего теоретизирования о сценариях ограниченной или тактической ядерной войны. На самом же деле следовало бы надеяться, что к настоящему времени таковое станет достоянием учебников по истории военной стратегии.

Как раз на этом фоне можно лишь горячо приветствовать недавнее объявление президента Обамы сократить до одной трети развернутые стратегические ядерные вооружения Соединенных Штатов Америки, добиваться переговорных сокращений с Российской Федерацией, с тем чтобы пойти дальше ядерных диспозиций «холодной войны», и добиваться смелых сокращений тактических ядерных вооружений Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации в Европе. Как вы знаете, последняя цель особенно важна для Германии. И мы, разумеется, польщены, что для таких программных заявлений президент Обама выбрал Берлин и Бранденбургские ворота, и я хотел бы поблагодарить и.о. помощника госсекретаря г-жу Анита Фридт за то, что она прибыла сюда сегодня, чтобы информировать нас о дальнейших деталях.

Можно только надеяться, что нам удастся как можно скорее продвинуться в этом направлении и что нас не вернут к мышлению времен «холодной войны», позволив военным вновь доминировать в дебатах, сопряженных с бесплодными компаративными выкладками с суммированием количеств ядерных arsenалов разных субъектов. План действий 2010 года по Договору о нераспространении ядерного оружия четко предусматривает необходимость «сокращения и ликвидации ...ядерных вооружений всех типов» и «призывает, в частности, те государства, которые имеют самые крупные ядерные arsenалы, играть ведущую роль в этих усилиях» (действие 2 ii)).

Откликаясь на объявления президента Обамы, министр иностранных дел Германии г-н Вестервелле отметил: «Мир без ядерного мира – это не иллюзия, а перспектива».

Почему я высказываю такие пространные замечания, тогда как от меня ожидают, что я буду говорить о работе Конференции по разоружению? Ответ тут прост: все это составляет фон для нашей работы, который, по моему соб-

ственному опыту, мы рискуем утратить из виду, заиклившись на своем хлебе насущном – «программе работы», «четырёх стержневых проблемах», «правилах процедуры» и любых других предметах дискуссий на Конференции.

Нашей задачей на Конференции является разработка глобальных правовых режимов для разоружения и нераспространения.

Нужно подчеркнуть, что наша компетенция не ограничивается ядерными проблемами, потому что в повестке дня Конференции есть и другие проблемы, а это обстоятельство у нас, похоже, не очень-то получает отражение. Я, например, по-прежнему полагаю, что действительно было бы весьма целесообразно заняться разработкой на Конференции по разоружению договора о запрещении вепонизации космоса, пусть даже это не та перспектива, которая должна нас беспокоить сегодня или завтра.

К сожалению, за 18 лет нам не удалось последовательно поработать над новым договором ни по одному из пунктов нашей повестки дня, которая насчитывает не одно десятилетие. И хотя я понимаю, что государства имеют разные списки пожеланий, я не понимаю, почему должно быть так трудно согласиться заниматься темой, которую всем нам, кто исповедует стремление к миру, свободному от ядерного оружия, следует охватить как важный строительный блок по пути к миру, свободному от ядерного оружия, а именно договором о запрещении производства исходного материала для создания ядерного оружия.

Такой договор имел бы, по крайней мере, два очень значительных преимущества. Он послал бы четкий сигнал о решимости международного сообщества положить конец количественной гонке ядерных вооружений и, во-вторых, он учредил бы международную систему проверки, которая послужила бы в качестве весьма ценного пробного теста для будущей системы проверки в мире, свободном от ядерного оружия.

Мне не понятно, почему те, кто хочет, чтобы мы пошли, так сказать, прямо к цели, предлагая сразу же провести переговоры по конвенции о ядерном оружии, похоже, имеют оговорки в отношении поддержки этого важного промежуточного шага. Хотя я и не понимаю, почему кто-то не может выступить в одно и то же время в пользу обоих проектов, я определенно усматриваю опасность в том, что вся ставка делается – и все мы прекрасно это знаем – на очень амбициозный долгосрочный проект, пренебрегая конкретным, практичным и похвальным следующим шагом, который был бы благотворен одновременно и для разоружения и для нераспространения. Ну а тем, кто утверждает, что договор о запрещении производства топливного материала для ядерного оружия проблематичен потому, что он еще раз косвенно легитимизировал бы разделение между обладателями и необладателями, я бы сказал так: а почему же это не был достижимым тезис, квалифицирующий такой договор как дополнительный строительный блок на пути к миру, свободному от ядерного оружия? Разве не как раз за такой подход по принципу «строительных блоков» они ратовали недавно?

Мы действительно были очень близки к началу этой важной работы. За те четыре года, что я провел в этом зале, попытки развернуть этот проект – а тем самым и привести в действие всю Конференцию по разоружению после более чем десятилетнего затора – неоднократно блокировались лишь одним и тем же государством-членом. Мне не известно ни о каком другом проекте программы работы, представляющем фундаментально иной подход, который был бы даже отдаленно так близок к консенсусу, но я всегда задавался вопросом, действи-

тельно ли было сделано достаточно для того, чтобы убедить инакомыслящего члена.

И это подводит меня к активно дебатированной теме на Конференции по разоружению – проблеме правила консенсуса. У меня сложилось впечатление, что слишком уж многие действуют так, будто консенсус означает, что надо всегда настаивать на своем собственном предпочтительном исходе, вместо того чтобы в интересах коллективного продвижения вперед принимать то, с чем можно смириться. На практике это означает, что некоторые очень высоко поднимают планку для любого рабочего мандата. Но ключевой вопрос, который ставит перед нами Председатель, состоит не в том, можем ли мы «поддержать» данное предложение, а лишь в том, не возражаем ли мы против него, а ведь между этими двумя вопросами есть весьма значительная разница!

Более того, надо сказать, что, когда государства единолично блокируют уже само начало переговоров по договору, причем много лет делают это неоднократно, то они берут на себя большую ответственность, и не только потому, что они мешают международному сообществу разрабатывать новые международно-правовые нормы, но и потому, что они дают другим пример для подражания, что со временем может застопорить многосторонность. Такое поведение тем более озадачивает, когда в своих жизненных интересах безопасности все субъекты защищаются правилом консенсуса: если в конечном счете кому-то не нравится проект договора, вытекающий из такого предприятия, то, как показывает достаточно много примеров, его ведь не принуждают к тому, чтобы стать его стороной.

Но я должен сказать, что чем дольше я наблюдал за происходящим, тем больше у меня складывалось впечатление, что название игры состоит не столько в том, чтобы действительно добиться прорыва, а в том, чтобы наверняка сделать так, чтобы остаться невидимым, когда ты блокируешь прорыв.

Методы работы Конференции по разоружению позволяют сделать это достаточно легко, потому что делегациям вообще не нужно извещать государствам-членам свои оговорки: надо просто сказать за закрытыми дверями четырехнедельному Председателю, что им не нравится. И даже если Председатель выступит с предложением, которое действительно можно было бы считать вполне разумным, можно биться об заклад, что всегда найдется кто-то, кто заявит, что в связи с этим у него есть какая-то хитроумная теологическая проблема, и кто отвергнет его – опять же большей частью за закрытыми дверями. Так что неудивительно, что общественность понятия не имеет о том, что реально происходит на Конференции по разоружению.

Я всегда считал несколько пустым часто высказываемый тезис о том, что прогрессу мешает лишь «отсутствие политической воли», потому что всегда недостает, разумеется, политической воли тех, кто придерживается противоположной аргументации, – никогда своей собственной!

Ну а есть ли у меня спустя четыре года рецепт относительно того, что должна сделать Конференция по разоружению, чтобы выбраться из своего затруднительного положения? Боюсь, я должен сказать, что у меня нет и волшебной палочки.

Тем не менее, глядя на ситуацию с многосторонними усилиями в сфере ядерного разоружения в целом, я все же считаю, что международному сообществу надлежит и далее решительно добиваться международно проверяемого и недискриминационного договора о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия как важного строительного блока на пути к ми-

ру, свободному от ядерного оружия. Я не понимаю, почему это не должно быть достижимым при условии, если все будут прилагать решительные и подлинные усилия. И у меня в голове все больше звучит вопрос, действительно ли ссылки на освященные временем документы являются реальным подспорьем в этом предприятии, или же только помогают закамуфлировать истинные причины застоя. Как знает каждый, надлежащая проверка такого договора потребует транспарентности всех соответствующих ядерных материалов, которые, разумеется, есть не что иное, как результат «прошлого производства». Ну а если так, то почему мы не можем, например, достичь согласия на тот счет, чтобы переговоры касались всех вопросов, имеющих отношение к достижению цели договора? Как я полагаю, если все мы поистине серьезно желаем достичь такого договора, никто не должен испытывать проблем с согласованием основы для обязательства в этом русле.

При нынешнем положении дел приходится сомневаться, что где-то в скором времени Конференция по разоружению достигнет предметного мандата, каким может быть только мандат на работу над договором, а не просто на дискуссию по пунктам нашей повестки дня. И у меня еще остается проблеск надежды, что уже само существование Рабочей группы открытого состава Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций поможет дать людям понять, что, дабы не нанести Конференции по разоружению как институту серьезный ущерб, сейчас определенно требуется некоторая реальная предметная гибкость.

Во всяком случае, Конференции по разоружению, быть может, уже пора предпринять еще одну попытку и серьезно посмотреть весь комплекс своих методов работы, включая вопросы о расширении и о том, какой вклад могло бы, да и должно бы вносить гражданское общество. Недавно на пленарном заседании Генеральный секретарь Конференции по разоружению г-н Токаев высказал очень глубокие замечания и практические соображения в этом отношении. Я беру лишь один элемент – создание рабочей группы, чтобы произвести на свет программу работы. Государствам-членам поистине уже давно начать непосредственно в своем кругу переговоры по программе работы еще и потому, что это генерировало бы гораздо большую степень транспарентности, что уже само по себе было бы желательной целью. И весьма курьезно выглядит тот факт, что до сих пор никто не удосужился сделать это.

Уезжая, почти всегда испытываешь смешанные чувства. Застой на Конференции по разоружению определенно вызывал у меня чувство фрустрации, потому что нет ничего радостного в том, что приходится инвестировать энергию в нечто такое, реализация чего все время наталкивается на чьи-то труднодостижимые – по крайней мере, на первый взгляд – возражения. Я часто подумываю о шутке, когда некий путешественник, который заблудился неведь где, спрашивает фермера: «А как добраться до Женевы?», на что фермер после довольно продолжительных размышлений отвечает: «Да отсюда, сударь, вам туда никак не добраться!» Шутка шуткой, но я-то полагал, что большинство людей находят реальность на Конференции по разоружению настолько трудной, что, знаете, им трудно считать это забавным. А ведь это шутка!

Но я должен сказать, что эта фрустрация не помешала мне испытывать большое удовольствие от моего пребывания в Женеве. Я рад, что я смог внести свой вклад, да еще и как Председатель Конференции по разоружению, в попытке нарисовать более реалистичную картину фактической ситуации этого органа. Да, разумеется, надо было делать и еще много вещей, так что ты все время чем-то занят.

Одной из главных причин, почему я очень доволен своим пребыванием, стали коллегиальные и дружеские отношения среди коллег почти всегда вне зависимости от того, соглашались мы или нет. Как человек, которому всегда нравится вступать в дебаты и кто любит бросать вызов привычной мудрости и политкорректности ради политкорректности – а я ведь все-таки очень хорошо знаю, что не каждый находит, что это так уж хорошо, – я поистине ценил этот позитивный дух. И я хочу поблагодарить всех за это.

Особые слова благодарности я адресую всем тем, кто помогает нам делать свою работу: Генеральному секретарю Конференции, заместителю Генерального секретаря Конференции и сотрудникам секретариата, Институту Организации Объединенных Наций по исследованию проблем разоружения, устным переводчикам, Женевскому форуму и писателям из Движения за достижение критической массы воли и новостных агентств и средств массовой информации.

Наконец, спасибо моей собственной бригаде, которая с большой приверженностью много лет поддерживала и терпела меня.

Г-н Председатель, дорогие коллеги, я прощаюсь с вами и желаю вам удачи в ваших начинаниях.

Председатель (*говорит по-английски*): Большое спасибо послу Хоффману за его заявление и за его лестные и добрые слова в адрес Председателя и других. Большое спасибо.

Вторым оратором у меня в списке значится посол Чили.

Г-н Ойярсе (Чили) (*говорит по-испански*): Г-н Председатель, прежде всего я хочу поздравить вас с принятием председательства на Конференции. Я хочу сказать, что, как уже говорила моя страна, это сложная задача. Я также благодарю министра иностранных дел за те мысли, которыми он поделился с нами сегодня утром. Как член Группы 21, я также благодарю за работу и усилия Исламской Республики Иран на председательском посту, и, наконец, я благодарю за размышления и послания со стороны Высокого представителя Генерального секретаря Ангелы Кейн.

Вскоре я оставляю Постоянное представительство моей страны при международных организациях в Женеве и на Конференции и приму у себя в Министерстве новые функции в многосторонней сфере. Я имею в виду тот сценарий, который обрисовал посол Германии, так что я рад, что он выступал первым, ибо его всегда отличают хорошие аналитические выкладки и идеи, что помогает дать более четкое представление об исторических, политических и технических контекстах, которые необходимо, повторяю, необходимо учитывать в этом зале.

Для меня было привилегией работать в разоруженческом сообществе. Мне не представляется уместным внедрять идею разоруженческой элиты, но я все же верю, что государствам необходимо культивировать разоруженческое мастерство, и не только отстаивать свои собственные интересы, но и быть в состоянии вносить свой вклад в общее дело международного мира и безопасности. Вот в чем состоит суть коллективной ответственности, и в этом состоит смысл многосторонней системы. К сожалению, здесь не удалось достичь необходимой гибкости для одобрения программы работы, которая позволила бы Конференции по разоружению развернуть коллективные действия, которых требует инклюзивный многосторонний форум, и практиковать инклюзивную концепцию, которая имеет особенное, оперативное, значение. Конференция должна быть в состоянии разрабатывать универсальные нормы, которые укреп-

ляли бы и дополняли двусторонние усилия в пользу нераспространения и разоружения.

Как мне представляется, в данный момент было бы претенциозным вдаваться в пространный анализ возникших отдельных проблем и трудностей. Но я все же не могу удержаться от искушения, ибо моя другая ипостась – не дипломатическая – носит академический характер. Я постараюсь быть очень конкретным и коснусь кое-каких трудностей, которые в последние годы стали, как говорят правовики, обыденной практикой, своего рода обыкновением. Было бы, однако, неразумно распространяться обширно, и поэтому я более скромно ограничусь формулировкой четырех тезисов насчет того, почему мы по-прежнему считаем необходимым продолжать строительство универсальной и оперативной многосторонности и считаем необходимым продолжать ее строительство на данном форуме.

Во-первых, данный орган по-прежнему переживает критический момент. Можно ведь и здесь и на Генеральной Ассамблее произносить все эти ритуальные речи, но ведь момент все равно остается критическим и паралич все еще остается в силе. Перед лицом такой глубинной ситуации есть необходимость предаться размышлениям о причинах этой ситуации и о поиске жизнеспособных альтернатив, которые, вероятно, привели бы к неизбежному более глубокому переосмыслению этого органа. В настоящее время Конференции по разоружению недостает двух фундаментальных концепций – инклюзивности и продуктивности, и это сказывается на ее легитимности и убедительности.

Следует ли нам форсировать существенные изменения в отношении ядерного разоружения, или же лучше поискать поэтапный подход? Чили выступает за реализацию практических мер, строительных блоков, направленных на снижение уровня боевой готовности ядерных вооружений и на наращивание транспарентности запасов ядерного оружия. И если смотреть на мир реально, то в состав таких шагов должен входить и договор о прекращении производства расщепляющегося материала.

Во-вторых, эта ситуация подводит нас ко второму тезису, который был затронут послом Германии и который тоже не нов в конституционном праве Организации Объединенных Наций: необходимости поразмыслить над концепцией переговоров и консенсуса. На каждого из нас, кто работает на этой Конференции, ложится обязанность вести переговоры. Между тем решать, присоединяться или нет к тому или иному соглашению, вытекающему из любых переговоров, в соответствии со своими законными национальными интересами – это прерогатива суверенного государства. В ходе последнего заседания под председательством Исламской Республики Иран мы услышали, как некоторые делегации настаивали на изменении правила консенсуса. Те из нас, кто долгие десятилетия работает в Организации Объединенных Наций, очень хорошо знают, каковы тут достоинства и недостатки. Чтобы понять механику процедур, я предлагаю прочтение конституционного права Организации Объединенных Наций большим мексиканским дипломатом Кастаньедой. Это важно потому, что они имеют отношение не только к процессуальным нормам, но и к политике. Глобальная среда претерпевает изменения, и эволюционируют многосторонние институты. И данная Конференция тоже сталкивается с проблемой адаптации к складывающимся международным реальностям, чтобы постараться учитывать интересы безопасности всех государств. Мы должны согласовать такую форму, которая гарантировала бы инклюзивность и транспарентность. Мы имеем дело не только с проблемой на этом форуме, но и с глобальными политическими и стратегическими реальностями, которые не могут быть обойдены при таких размыш-

лениях. Мир претерпевает изменения, и чтобы преодолеть контексты «холодной войны» в пользу конечной цели человеческой безопасности, существенное значение имеет современный и актуализированный подход. В этом состоит преобладающий интерес человечества, и именно с этим интересом сопряжены поиски глобальной гражданственности. Но прежде всего нам надлежит действовать ответственно.

Третий тезис: правительства сталкиваются с необходимостью и обязанностью поиска подходящего метода, который позволил бы проанализировать вклады гражданского общества на Конференции. Этот метод должен носить совместный и инклюзивный характер по отношению к переговорной работе этого форума. В этом контексте следует рассмотреть практику других органов Организации Объединенных Наций и межправительственных форумов. Мы полагаем, что реальность нынешней многосторонней системы – партисипативной и демократической – требует активной лепты гражданского общества. Ведь это реальный мир.

В-четвертых, в ходе председательства Чили мы обследовали достаточно гибкие формулы, чтобы это позволило установить общий мандат: работу четырех рабочих групп. И на этом и на других форумах имеет свои достоинства и является востребованной, используемой многосторонней процессуальной практикой формула конструктивной двусмысленности. Как мы оценили в ходе последних председательств и в работе шести председателей, тут продолжают прилагаться усилия. Но центральный вопрос упирается в предельность ситуации. Есть ли у нас или нет «красная линия», чтобы иметь возможность избрать иной маршрут?

Нам надо четко представлять себе, что, как показывает недавний опыт в Нью-Йорке с Договором о торговле оружием, трудные переговоры с акцентом больше на человеческую безопасность, чем на логику с прицелом на государство, может дать иной результат. Вот какой интересный урок!

Ряд инициатив и идей, который, как мне думается, нам надлежит проработать, выдвинул и Генеральный секретарь г-н Токаев. Кое-кто утверждают, что секретариату не пристало вносить предложения. Я провел в Организации Объединенных Наций 40 лет, и я хочу сказать, что в этом состоит всеобщая обязанность. Принимать политическое решение надлежит правительствам, но хотелось бы надеяться, разоруженческое сообщество, включая секретариат, организации гражданского общества и разоруженческие институты смогут способствовать приданию мобильности этому форуму.

Чили, как и большинство стран, и я думаю, что это самая важная часть из них, нуждается в оперативной многосторонности, в многосторонности функционирующей и международных институтах, потому что это способствует нашей собственной безопасности, безопасности наших стран, но, что еще важнее – безопасности человечества. И в этом состоит смысл многосторонности. И именно для этого и была создана Организация Объединенных Наций. Мы постоянно вносим свою лепту в разоруженческую и нераспространенческую архитектуру идеями, участием, путь даже скромным, но прежде всего – своим конструктивным поведением страны, открытой к миру, для которой международные режимы и стандарты являются составной частью нашей жизненной реальности. Я также считаю, что они являются составной частью жизнеспособности человечества.

Я очень ценю дружбу и взаимодействие со всеми коллегами и партнерами, а не только с послами. Пользуясь возможностью, я хочу особо поблагода-

рить Генерального секретаря Конференции г-на Токаев, который демонстрирует неизменную приверженность необходимости активизации нашей Конференции, постоянно передавая международному сообществу послания и идеи Генерального секретаря. Я хочу также выразить свою признательность Ярмо Сарева и персоналу, потому что они, – и я говорю так потому, что я ведь работал в Организации Объединенных Наций в качестве сотрудника правового отдела, – потому что они всегда были в состоянии внести свою лепту в виде идей, надлежащей практики и политической опытности. Спасибо гражданскому обществу за их воззрения относительно обеспечения приоритетности проблем разоружения и безопасности в повестке дня международной системы, а также устным переводчикам за превосходную возможность обеспечить лучшее понимание, несмотря на наше многообразие. И в заключение я хочу сказать, что Чили – маленькая страна, а мы – маленькая делегация, и я хочу сердечно поблагодарить своего заместителя Представителя (у нас есть один человек, который ведает всеми разоруженческими вопросами) за ту помощь, что он мне оказывал, дабы я мог лучше представлять свою страну в интересах человечества, дабы защищать и мобилизовывать Конференцию по разоружению и весь разоруженческий механизм.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Чили за его заявление и за добрые слова в адрес Председателя.

Следующим оратором является посол Индии.

Г-жа Мехта (Индия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, я рада этой возможности передать вам поздравления моей делегации в связи со вступлением на пост Председателя Конференции по разоружению и выразить полную поддержку ваших усилий в выполнении ваших обязанностей, а также добрые пожелания в связи с теми начинаниями, которые вы будете предпринимать с другими коллегами в предстоящие недели, и в том числе в межсессионный период.

Как я полагаю, я в последний раз беру слово на Конференции по разоружению, и я хотела бы, пользуясь возможностью, выразить глубокую признательность здешним коллегам за превосходное сотрудничество, которое все мы разделяем.

Этот год оказался особо интересным, так как мне выпала привилегия войти в состав председательской шестерки. Этот опыт дает делегациям, которые по очереди председательствуют на Конференции по разоружению, особое и очень ценное представление о динамике Конференции по разоружению. А поскольку эта возможность представляется только раз в 10 лет, для каждого из нас, кто в этот момент оказывается на этом посту, это просто удача.

Вопреки ожиданиям, что этот форум инертен и ничего ценного здесь не происходит, мое пребывание в Женеве в качестве Постоянного представителя Индии при Конференции по разоружению оказалось загруженным и активным. Это был ценный профессиональный опыт, и за это я должна поблагодарить коллег – повсюду в этом зале – и в делегациях, и в секретариате во главе с г-ном Токаевым и г-ном Саревой и, в особенности, в моей собственной делегации.

Будучи профессиональным дипломатом, я склонна исходить из того, что все дипломаты – первоклассные профессионалы. И вот, признавая это, я верю в то, что дипломатическое мастерство и опытность, которые наличествуют на Конференции по разоружению, поистине соответствуют очень высокой степени совершенства. И они стоят того, чтобы их поддерживать и сберечь, и эти ат-

рибуты наверняка заложат основы для будущего прогресса в этой сфере на Конференции по разоружению. Это форум носит незаменимый характер, и моя делегация по-прежнему усматривает в нем бесспорную ценность. Дипломатия разоружения – это высокоразвитая, хоть и несколько мистическая нива, которая на первый взгляд может показаться несколько упугающей. Должна сказать, что я встретила теплый прием со стороны многих проникательных экспертов в этом зале – и со стороны от тех, кто нас окружает, и со стороны тех, кто находится на галерке и предлагает воззрения и критические высказывания по нашим позициям. Время, проведенное здесь, стало и поучительным и отрадным опытом. Спасибо всем вам за это.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю г-жу посла за ее заявление и за добрые слова в адрес Председателя, а также за поддержку председательства.

Следующим у меня в списке значится посол Нидерландов.

Г-н ван ден Эйссел (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Как и у коллеги, который выступал до меня, у меня это будет последняя возможность выступить на Конференции по разоружению, и поэтому я также в последний раз приветствую нового Председателя, желаю ему удачи и заверяю его в поддержке моей делегации, и, разумеется, я благодарю его за добрые слова, адресованные мне как одному из убывающих послов.

Когда я приехал почти четыре года назад, на документе CD/1864 едва высохли чернила, и я, как и все мы, приехал с надеждой, что в отличие от многих моих предшественников я увижу, как вновь реально заработает Конференция по разоружению. Но, как мы все теперь знаем, такая надежда оказалась несостоятельной. Для других цифры 1864, 1933, 1948, возможно, обозначают важные вехи в истории, для меня же – названия благонамеренных попыток вернуть нас к работе, которые все потерпели фиаско. Последние четыре года я нередко выражал – здесь, в этом зале, – разочарование моей страны по поводу такой стагнации, и сейчас я не буду повторять эти слова.

Мы регулярно проводили в этом зале дискуссии о причине такого застоя. Идет ли речь главным образом о том, как мы работаем и организуемся, или дело лишь в отсутствии политической воли? Те, кто отстаивает последнюю позицию, неизменно указывают, что Конференция по разоружению давала свои результаты при применении правил процедуры и организационных процедур, которые все еще остаются в силе. Но ведь последний результат, произведенный на свет Конференцией по разоружению, был получен 17 лет назад, и, как мне думается, трудно представить себе организацию, не говоря уже о компании, которая в такой ситуации, т.е. если бы она еще существовала, не посмотрела крайне критично на то, как она организована, и не произвела бы те или иные изменения.

Но верно и то, что имеет место недостаток политической воли и мужества, чтобы предпринимать смелые и зачастую болезненные шаги, необходимые для достижения реального прогресса. Однако когда я оглядываюсь назад на последние четыре года, у меня в памяти доминирует не стагнация на Конференции по разоружению. Как разоруженческий посол я представлял свою страну на многих совещаниях, конференциях и переговорах. Я не буду называть их все, но мне будет особенно памятна обзорная Конференция участников Конвенции по биологическому оружию и переговоры по Договору о торговле оружием. Я вспоминаю их с радостью и признательностью. И то и другое показало, что многостороннее разоружение может работать. Будет мне остро недоставать и

нашей ежегодной поездки – «школьной экскурсии», как говорили некоторые, – в Нью-Йорк в Первый комитет.

Многосторонность означает, что вам придется иметь дело с теми, с кем вы не согласны, что вы должны найти общую почву с государствами, которые имеют иную оценку, иные интересы, иные мнения, и мне думается, что эффективнее всего это делается в коллегиальной и транспарентной атмосфере. И вот оглядываясь назад на последние четыре года, я думаю, что Конференция по разоружению стоит на высоте этого аспекта многосторонности. Я колоссально ценю контакты со всеми коллегами и делегациями. Я ценю коллегиальную атмосферу и здесь, в Женеве, и в Нью-Йорке. Мы все находились в одной лодке, и хотя Конференция по разоружению все глубже увязала в трясине, было удовольствием и привилегией входить в состав экипажа, и я благодарен всем вам за это.

Я хотел бы также поблагодарить нашего Генерального секретаря Конференции г-на Токаева и его заместителя г-на Сареву за то, что они последовательно пытаются помочь нам выбраться из этого болота. Спасибо и всем сотрудникам и устным переводчикам за всю вашу усердную работу. Мне хотелось, чтобы мы смогли заставить вас еще усерднее поработать с Конференцией по разоружению с полным размахом, но вы все равно сделали большую работу. Спасибо, разумеется, гражданскому сообществу в лице НПО за то, что оно демонстрирует критического интерес, за то, что оно является нашим зеркалом, которое иногда не показывает нам то лицо, какое нам хотелось бы видеть. И не в последнюю очередь за то, что оно является превосходным хроникером и архивистом. Ну и, разумеется, я благодарю членов своей собственной бригады.

В качестве заключительного слова в адрес всех вас, кто остается в Женеве на Конференции по разоружению, я хочу выразить веру в то, что многосторонняя работа почти неизбежно представляет собой историю 999 шагов назад и 1 000 шагов вперед. В случае многосторонней работы речь идет о том, чтобы вновь и вновь пытаться сделать одно и то же в надежде на то, что придет время, когда это, наконец, заработает. Тут речь идет о том, чтобы найти верную комбинацию амбиции и реализма. Амбиция задает направление, а реализм, амбициозный реализм, диктует темп.

Уважаемые коллеги, уважаемый Председатель, быстрый успех – не самая поразительная черта многосторонней работы, и уж определенно не многостороннего разоружения, но, пожалуйста, упорствуйте в своих усилиях. Я желаю всем вам всяческих удач.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Нидерландов за его заявление и за добрые слова в адрес Председателя. Есть ли еще желающие взять слово? Насколько я вижу, выступить желает представитель Российской Федерации.

Г-н Васильев (Российская Федерация): В первую очередь я хотел бы уточнить, что это не мое прощальное выступление, и я, боюсь, не обрадую вас мудрыми цитатами и яркими воспоминаниями. Я хотел бы обратить внимание на некоторые вопросы, которые мы сегодня обсуждали.

Но прежде всего я хотел бы поблагодарить министра иностранных дел Ирака г-на Зибари за его выступление на Конференции по разоружению. Мы также весьма признательны Высокому представителю Генерального секретаря по разоружению уважаемой г-же Ангеле Кейн за участие в сегодняшнем заседании.

Приветствуем вас, г-н Председатель, в вашем качестве Председателя нашего форума. Надеемся, что та нацеленность, о которой вы сегодня заявили, на продолжение поиска компромиссов по программе работы приблизит нас к началу предметной деятельности форума. Равным образом я хотел бы поблагодарить бывшего Председателя Конференции по разоружению посла Ирана Мохсена Назири за его усилия по организации дискуссии с целью нахождения компромисса по программе работы Конференции по разоружению.

Безусловно, я хотел бы присоединиться к теплым словам в адрес уважаемых коллег, которые покидают нас, и пожелать им успехов и плодотворной работы – может быть, более плодотворной, чем в те годы, которые они провели здесь. Тем не менее я уверен, что они будут с добротой вспоминать эти годы и тот опыт, который они приобрели в многосторонней дипломатии.

Я хотел бы остановиться, как я отметил, на двух моментах. Первое: мы весьма признательны делегации Соединенных Штатов Америки и исполняющей обязанности помощника Государственного секретаря Аните Фридт, которая обратила наше внимание на выступление Барака Обамы в Берлине. Новая инициатива, безусловно, заслуживает самого тщательного рассмотрения и учета, и, безусловно, Москва это будет делать, и мы на каком-то этапе дадим ответ нашим уважаемым американским коллегам.

При этом уже сейчас ясно, что предлагаемые новые уровни для стратегических ядерных вооружений, равно как и предложения по рассмотрению вопросов, связанных с тактическим ядерным оружием, предусматривают то, что процесс ядерного разоружения переходит из плоскости двустороннего российско-американского диалога в многосторонний формат.

Безусловно, здесь есть и роль других государств, а не только государств, обладающих ядерным оружием, так как совершенно очевидно, что процесс ядерного разоружения может продвигаться только в том случае, если не будет создаваться компенсационных потенциалов в области высокоточных вооружений, дисбалансов в сфере обычных вооружений, переноса гонки вооружений на другие сферы, в том числе на космическое пространство. Еще раз повторю, что мы внимательно изучим все эти предложения и будем готовы к диалогу по всем поставленным вопросам.

Вторая часть: я хотел бы еще раз выразить признательность г-же Ангеле Кейн за участие в сегодняшнем пленарном заседании и, естественно, воспользоваться ее участием в нашем заседании, с тем чтобы затронуть ряд вопросов, которые, как мне представляется, касаются многих, если не всех из нас здесь, в Женеве.

Наши коллеги из Нью-Йорка передали нам проект бюджета на 2014–2015 годы, который будет рассматриваться в Консультативном комитете по административным и бюджетным вопросам Организации Объединенных Наций. Вместе с тем, еще раз повторюсь, что, как мне представляется, некоторые вопросы носят не административный, а именно политический характер.

Мы, в частности, хотели бы уточнить, чем мотивировано изменение названия находящегося в Женеве отделения Департамента по разоружению. Сейчас он называется «Conference on Disarmaments Secretariat and Conference Support Branch». Предполагается, что он будет называться «Geneva Branch». Но на бюрократическом языке, по крайней мере, моей дипломатической службы это означает, что Департамент по разоружению фактически согласился с тем, что Конференции по разоружению больше не существует. Хотелось бы узнать, что это означает на языке Организации Объединенных Наций.

Второй аспект, который также нас весьма волнует, это вопросы перераспределения обязанностей внутри Департамента по разоружению. Как нам стало известно, планируется, в частности, перевести вопросы, связанные с биологией, в Нью-Йорк, в то время как мы знаем, что в Женеве находится Группа имплементационной поддержки Конвенции о запрещении биологического оружия и, соответственно, все мероприятия, связанные с данной Конвенцией, проходят здесь, в Женеве. Я не знаю, насколько это правда.

Ранее также было принято решение о передаче космического досье из Нью-Йорка в Женеву, учитывая, что одним из пунктов повестки дня Конференции по разоружению как раз является предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. Теперь, насколько мы понимаем, данная должность подлежит сокращению.

Естественно, на фоне сокращений и перераспределений тех обязанностей в рамках Департамента создается Отдел стратегического планирования – Strategic Planning Unit – в составе трех человек. Безусловно, это очень важное и интересное начинание, и мы, безусловно, поддерживаем любое стратегическое планирование. Вместе с тем мы исходим из того, что стратегическим планированием должны заниматься в первую очередь государства – члены Организации Объединенных Наций, которые путем принятия соответствующих резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и, в частности, надеюсь, тех решений, которые мы будем принимать в этом зале, именно указывают то направление, в котором нам следует двигаться.

Еще раз спасибо вам, г-н Председатель, за сегодняшнее заседание.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю представителя Российской Федерации за его заявление и за добрые слова в адрес председательства. Не желает ли взять слово какая-либо делегация? Индия, вам слово.

Г-н Гилл (Индия) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, позвольте мне сначала присоединить свой собственный голос к словам признательности моего посла за ваши усилия и мои поздравления вам в связи с принятием председательства на Конференции.

Я хочу очень кратко высказаться по моменту, поднятому нашим уважаемым коллегой из России в отношении бюджетных наметок Управления по вопросам разоружения, которые некоторые из наших коллег обсуждали на прошлой неделе в Нью-Йорке и которые будут продолжать обсуждаться в Комитете по программе и координации позднее на этой неделе и впоследствии. Мы разделяем озабоченности, которые были выражены Россией в отношении некоторых из предложений в бюджетных наметках, которые поступили из секретариата, и мы надеемся, что наши озабоченности, озабоченности государств-членов, будут приняты в расчет при последующем рассмотрении этих предложений. Мы признаем, что многие из этих предположений относятся к сфере компетенции секретариата, но там есть и много областей, где прерогатива на инициативу принадлежит государствам-членам, и мы бы надеялись, что это важное отличие будет сохранено по мере того, как мы будем двигаться вперед.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю представителя Индии за его заявление и добрые слова в адрес Председателя. Слово имеет г-жа Ангела Кейн.

Г-жа Кейн (Высокий представитель по вопросам разоружения) (*говорит по-английски*): Должна признаться, что я не подготовлена к этому заявлению, но, с другой стороны, я очень рада иметь возможность, собственно, предоста-

вить кое-какую дополнительную информацию о предлагаемых нами изменениях, и если бы Конференция по разоружению или какие-то государства-участники пожелали провести со мной дальнейшее обсуждение, то я, в сущности, приветствовала бы такую возможность.

Я дважды выступала в Комитете по программе и координации на прошлой неделе, а потом и сегодня – на последнем заседании. Мы уже прошли сессию ККАБВ, ну а осенью этим делом займется, разумеется, Пятый комитет.

Ну, прежде всего это не финансовый вопрос, это вовсе не бюджетное предложение, ибо это не имеет финансовых последствий. Просто в контексте бюджетного предложения я вношу кое-какие предложения, которые, как хотелось бы надеяться, будут благосклонно приняты государствами-членами, и тут вот высказались лишь два государства, которые, к сожалению, не воспринимают это благосклонно, но, с другой стороны, есть ведь много других государств-членов, которые воспринимают это благосклонно.

Так почему же я вношу эти изменения? Прежде всего, я тут работаю уже 15 месяцев, и когда я смотрю на контингент персонала и когда я смотрю на мириады задач и мандатов, которые вы на нас возложили, я констатирую, что это можно было бы сделать за счет, как бы я сказала, некоторой перебалансировки. А со словом перебалансировка мне на ум прежде всего приходит слово изменение. Дело в том, что это длинное название, которое тут бытует, относится только к той функции сектора касательно обслуживания Конференцию по разоружению, которая, конечно, имеет очень большое значение. Но, с другой стороны, есть ведь и другие проблемы, которыми занимается сектор. И поэтому мы почувствовали, что было бы лучше дать более четкое представление о том, что делает сектор, а именно он имеет, как вы также упомянули, Группу имплементационной поддержки Конвенции по биологическому оружию, он имеет Группу имплементационной поддержки Конвенции о конкретных видах обычного оружия, он обслуживает некоторые другие органы по поручению государств-членов, так что если назвать его просто Женевским сектором УВР, то это произвело бы лучшее впечатление. Мы в Нью-Йорке являемся Управлением по вопросам разоружения, мы обслуживаем Первый комитет, мы обслуживаем Комиссию по разоружению, мы обслуживаем другие органы, но мы все-таки именуемся Управлением по вопросам разоружения. Так что мы просто чувствовали, что это дает лучшее отражение, и это сопряжено было также с упрощением. Здесь ведь это звучит как ДГАКУ, как его подобие в виде сектора по конференционному менеджменту. О ведь это не так; это ведь оперативный сектор, и я бы надеялась, что так он и будет рассматриваться. Хотя, конечно, и правда, что одной из основных функций является обслуживание Конференции по разоружению – и это очень важно, но тут ведь занимаются и другими проблемами.

Когда речь заходит о биологическом оружии, тут, как я думаю, возникает недопонимание просто потому, что в Нью-Йорке есть сектор по, как он называется, оружию массового уничтожения; то есть по всем видам оружия массового уничтожения: ядерному, биологическому, химическому. Так что в принципе это гораздо более широкая проблема, которой традиционно всегда занимались в Нью-Йорке, но это не имеет отношения к здешней ГИП по КБО. Это – отдельная функция. Так что мы не можем просто оторвать ее от сектора оружия массового уничтожения и поместить куда-то еще и сделать ее полностью автономной. В общем, это просто продолжение того, что имело место всегда.

Ну а что касается группы стратегического планирования (Strategic Planning Unit), то я также констатировала, есть много сквозных проблем, и, пожалуй, название «группа стратегического планирования» мы выбрали просто

потому, что оно существует и в нескольких других департаментах. Группы стратегического планирования уже имеются во многих департаментах, и в Организации Объединенных Наций это уже вошло в состав принятой номенклатуры, почему мы это и приняли. Но если вы посмотрите на проблемы, с которыми нам приходится иметь дело, то ведь многие из них не касаются ни оружия массового уничтожения, ни конвенционной сферы – они подобны метеоритному потоку, т.е. идут сверх того. И поэтому у нас всегда возникает проблема: как нам с этим поступить, как же нам заниматься этими проблемами. Так что мы волей-неволей склонны отвести им тот или иной сектор, но получается это не так уж складно, и вот поэтому-то мы и решили почерпнуть персонал из числа уже имеющих у нас сотрудников и собрать их в подразделении, которое мы решили назвать группой стратегического планирования, потому что это соответствует уже принятой номенклатуре. Мы могли бы назвать его сквозным подразделением, но это было бы несколько странное название, в вот поэтому-то мы и назвали его группой стратегического планирования.

Внесли мы и кое-какие другие предложения, и позвольте мне просто поделиться с вами, в чем они состоят, потому что вы это не упомянули; вы вот упомянули одну Группу правительственных экспертов. У нас есть Группа правительственных экспертов, и мы имеем также то, что вот уже сколько-то лет традиционно делается из Женевы, и у нас есть другие программы, которые ведутся в Нью-Йорке. Позвольте мне просто объяснить вам.

В случае Группы правительственных экспертов дело, разумеется, обстоит вот как: вы, государства-члены, принимаете решение на этот счет, а потом уж все зависит от того, где с этим приходится иметь дело. Например, договором о прекращении производства расщепляющегося материала будут заниматься в Женеве, потому что, как мы почувствовали, коль скоро тут есть очень тесная связь с Конференцией по разоружению, было бы хорошо заниматься этим здесь, и поэтому мы и сохранили эту очень тесную связь. А есть еще и другие, такие как Группа по космическому пространству, и раз уж так случилось, что тематика ПГВКП рассматривается в Женеве, мы и сочли, что заниматься этим было бы лучше в Женеве. Речь идет о том, чтобы продумать это логически: как складываются вместе все эти элементы.

Ну а другой проблемой является программа стипендий; бывало, что программой стипендий занимались в Нью-Йорке, а потом по какой-то причине она была перенесена в Женеву. И я предположила, что ее следует вернуть в Нью-Йорк, причем по двум резонам; во-первых, самую большую часть своего времени стипендиаты проводят в Нью-Йорке, так что в случае программы тут ничего не меняется. Тут нет финансовых последствий, тут нет программных последствий, тут ничего не меняется. Единственное изменение состоит в том, что сотрудник, который ею занимается, будет сидеть не в Женеве, а в Нью-Йорке. Взамен, чтобы сбалансировать нагрузку, я предложила перевести сюда, в Женеву, Консультативный совет по вопросам разоружения. Почему? Да потому, что Консультативный совет по вопросам разоружения является куратором ЮНИДИР, а ЮНИДИР находится в Женеве, и мы всегда ощущали, да и ЮНИДИР ощущал некоторую, скажем, неувязку в том, что им занимаются не из Женевы, а из Нью-Йорка. А еще и потому, что у нас есть один или два сотрудника, которые сидят здесь, в Женеве, так что тут имела бы место непосредственная состыковка. Так что, на мой взгляд, имеет смысл именно так и поступить. Если ли тут какие-то финансовые последствия? Нет. Есть ли тут какие-то кадровые последствия? Нет. Так что все, что я предлагаю, не имеет ни финансовых, ни кадровых последствий – это просто способ посмотреть на вещи и

придать им больше слаженности в том, как функционирует Управление по вопросам разоружения.

А теперь позвольте мне поделиться с вами еще одним фактором. Сколько людей мы имеем в целом в пяти офисах. Это Нью-Йорк, Женева и три центра в Ломе, Лиме и Катманду. У нас имеется 59 человек, включая вспомогательный персонал. А это чрезвычайно маленький штат. И что я пытаюсь сделать, так это заставить его работать более эффективно, более деятельно, дабы получить выигрыш в плане, скажем, эффективности, какой можно извлечь из системы. И вот, в сущности, поэтому-то я это и предлагаю. Да и опять же базовой аргумент состоит в том, что тут нет ни финансовых последствий, ни программных последствий, ибо программа не претерпевает изменений.

Спасибо вам за предоставленную мне возможность объяснить это.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю Высокого представителя по вопросам разоружения г-жу Ангелу Кейн за ее комментарии. А сейчас слово имеет представитель Беларуси.

Г-н Гриневич (Баларусь): Г-н Председатель, поскольку наша делегация впервые взяла слово под вашим руководством, хотим поздравить вас с заступлением на пост руководителя нашего переговорного органа. Вы всегда можете рассчитывать на поддержку нашей делегации в ваших усилиях.

Хотелось бы также присоединиться к озабоченностям, высказанным делегациями Российской Федерации и Индии относительно содержания документа A/68/6 (раздел 4). Мы благодарим г-жу Ангелу Кейн за представленное разъяснение. Вместе с тем, вдобавок к озабоченностям, озвученным делегациями Российской Федерации и Индии, мы хотели бы привлечь внимание всех делегаций к тому, что любое перераспределение обязанностей между отделениями в Женеве и Нью-Йорке, и в частности попытка перевести отдельные вопросы по тематике биологического оружия и обычных вооружений, повлечет за собой необходимость увеличения или перераспределения функциональных обязанностей между дипломатическими миссиями государств-участников в Женеве и Нью-Йорке. На данном этапе нас вполне устраивает складывающаяся структура, поскольку основные вопросы по тематике биологического оружия и обычного оружия рассматриваются именно здесь, в Женеве. Мы также считаем, что функции, которыми предлагается облечь новую группу стратегического планирования (Strategic Planning Unit), в целом по ряду аспектов пересекаются с теми, которые в настоящее время выполняет ЮНИДИР.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю представителя Беларуси за его заявление и за добрые слова в адрес председательства и за его поддержку. Слово имеет посол Исламской Республики Иран.

Г-н Асл (Исламская Республика Иран) (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, прежде всего позвольте мне поздравить вас с принятием председательского поста. Для нас большая честь видеть, что председательство на Конференции принимает такой наш собрат, как Ирак, и я заверяю вас в полной поддержке моей делегации в ходе вашего председательства.

Я благодарю уважаемого Высокого представителя по вопросам разоружения г-жу Ангелу Кейн за ее заявление. Я был информирован моим коллегой, что эта проблема имеет большое значение по причине политических последствий, с какими будет сопряжено такое решение. И поэтому мы разделяет настрой, который был выражен нашими уважаемыми коллегами – Российской Федерацией, Индией и Беларусью. Я надеюсь, что в Нью-Йорке у нас будет возможность

провести глубокий анализ по всей проблеме, и тогда мы сможем принять решение, которое позволило бы свести к минимуму любые последствия для всей Конференции по разоружению и для деятельности, которая проходит в Женеве; я имею в виду в особенности Группу имплементационной поддержки (ГИП). Ну вот и все, и спасибо за ваше разъяснение, но я просто хотел бы поддержать то, что было сказано нашими уважаемыми коллегами.

Председатель (*говорит по-английски*): Благодарю посла Исламской Республики Иран за его заявление и за добрые слова в адрес Председателя. Желает ли взять слово кто-либо еще из делегаций? Желающих, по-видимому, нет.

На этом наша работа на сегодня завершена. Следующее пленарное заседание Конференции по разоружению состоится во вторник, 30 июля 2013 года, в 10 ч. 00 м.

Заседание закрывается в 12 ч. 35 м.